

Н.К.ФАРХАДОВА

старший преподаватель

e-mail: nigar@mail.com

: <https://orcid.org/0009-0006-4982-7510>**Азербайджанский университет языков**

(г. Баку, ул. Р.Бехбудова, 134)

10.62021/0026-0028.2025.4.369

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА И ЕГО РАЗВИТИЕ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ США

Резюме. В статье анализируются формирование, этапы становления и семантическая трансформация понятия магического реализма в научно-теоретическом контексте в различных культурных средах. Наряду с концепцией Ф.Рохы, восходящей к постэкспрессионистской эстетике, в сравнительном анализе рассматриваются теоретические воззрения М.Бонтемпелли, А.Карпентьера, А.Флореса и Л.Леаля. В исследовании выявляется синтез магического реализма с постколониальными, феминистскими и этническими дискурсами в латиноамериканских и североамериканских литературах, который выходит за рамки европейского модернизма. Опираясь на метафизическую и антропологическую типологию У.Шпиндлера, а также концептуальные подходы к современной американской литературе Л.Чемберлена и Л.Заморы, раскрывается многослойная эстетическая и философская структура магического реализма.

Ключевые слова: магический реализм, культурная идентичность, миф и фольклор, реальность, художественная литература

Термин «магический реализм», впервые использованный в 1925 году критиком Францем Рохом для описания немецкой постэкспрессионистской живописи, часто трактовался различными противоречивыми определениями. Согласно подходу Ф.Рохы, магический реализм – это не смешение реальности и фантазии, а метод выражения, направленный на раскрытие тайны, скрытой в глубинах повседневной реальности [8, с. 284]. Позднее, в 1927 году, это понятие было применено к литературе итальянским писателем Массимо Бонтемпелли для характеристики модернистской прозы в ином семантическом смысле. Хотя концепция магического реализма была практически забыта в Европе, спустя короткое время, она вновь актуализировалась в латиноамериканской литературе с 1940-х годов и развивалась в различных концептуальных оттенках.

Отсутствие единого понимания точных границ магического реализма и применение этого понятия к любому произведению, отклоняющемуся от принципов реализма, создало некоторую путаницу в литературной среде. Терминологические и концептуальные противоречия также были выявлены на XVI Международной конференции по иберо-американской литературе, состоявшейся в Мичигане в 1973 году. На конференции некоторые критики, опираясь на слова Эмира Родригеса Монегаля о том, что «это формула, которая не работает», предложили отказаться от магического реализма. По мнению Э.Р.Монегаля, магический реализм разрывает связную коммуникацию и вместо того, чтобы прояснить произведение, делает его туманным и непонятным.

Несмотря на все критические высказывания, к середине 1970-х годов магический реализм получил широкое распространение и приобрёл большое влияние в условиях «бума» латиноамериканского романа. В латиноамериканской литературе понятие магического реализма связывалось с мифами и культурой коренных народов, тем самым

значительно отдаляясь от индивидуалистической европейской модели. Хотя в дальнейшем это направление в латиноамериканской прозе постепенно ослабевало, его поэтические принципы вошли в постклассическую стадию развития и были восприняты различными национальными традициями мировой литературы. Этот процесс, ещё больше расширив спектр существующих концептуальных подходов к термину, превратил определение магического реализма в одну из самых сложных и одновременно самых интересных теоретических проблем современного литературоведения.

Литературное выражение магического реализма в творчестве кубинского писателя А.Карпентьера и гватемальца М.Астуриаса также внесло существенный вклад в формирование теоретических основ этого направления. В предисловии к роману «Царство мира сего», опубликованному в 1949 году, Карпентьер ввел понятие «lo real maravilloso» – то есть «чудесная реальность». Для Карпентьера, который через это понятие обращается к реальным событиям и предметам, определяющим различие между Америкой и Европой, чудеса природы, истории и культуры, характерные для американского континента, являются неисчерпаемым источником «действительных чудес», а сама американская история – «хроникой чудесной реальности». По мнению Карпентьера, чудеса возникают из неожиданных изменений в реальности. Главным элементом здесь является вера, то есть необходимо верить в чудесную реальность Америки: «Ощущение чудес обуславливает веру. Человек, не верящий в святых, не может быть исцелен их чудесами» [1].

В 1954 году на ежегодном собрании Ассоциации современного языка в Нью-Йорке профессор А.Флорес выступил с лекцией под названием «Магический реализм в испаноамериканской прозе», в которой обсуждались сложности теоретического становления магического реализма. В отличие от первоначальной концепции Франца Роха, А.Флорес определил магический реализм как синтез реальности и фантазии и искал истоки этого литературного направления в европейской литературе, особенно в творчестве таких авторов, как Марсель Пруст и Франц Кафка. По его мнению, Кафка «обладает способностью искусно сочетать серую и скучную повседневную реальность с воображаемым миром снов» [4, с. 189], и эти эстетические принципы впоследствии заложили основу для формирования магического реализма. По мнению исследователя, как реалистические, так и чудесные элементы издавна существовали в Латинской Америке: реализм наблюдался со времен колониального периода, а чудеса – со времен ранних этапов письменной литературы, включая письма Христофора Колумба. Однако именно благодаря влиянию творчества Франца Кафки на Хорхе Луиса Борхеса магический реализм вошел в латиноамериканскую литературу как единство реальности и фантазии.

Флорес определил 1935 год, как год публикации «Всеобщей истории бесчестья» Борхеса, как отправную точку этого нового этапа. Он представил, наряду с Борхесом, таких авторов, как Адольфо Бийо Касарес, Сильвина Окампо, Мария Луиса Бомбаль и Хосе Бьянко, как ведущих представителей эстетики магического реализма.

Исследование Флореса подчёркивает текучесть и нехронологичность времени, логичность и структурную точность построения сюжетов, отказ от эмоционально-сентиментального выражения и представление нереальности как неотъемлемой части реальности как общие художественные и эстетические черты творчества этих писателей. Обобщая эти характеристики, он утверждает, что представители магического реализма системно и фундаментально связаны с реальностью таким образом, что эта связь не позволяет структурному и образному потенциалу литературы мешать их эстетическим целям и, в то же время, представляет собой центральный и организующий принцип художественного построения как средства предотвращения свободного формирования мифологических элементов и их распространения в сверхъестественные сферы сказочного мира.

В 1967 году мексиканский критик Луис Леаль попытался развеять ряд заблуждений относительно магического реализма. Он ясно показал, что не согласен с определением магического реализма А.Флореса и других авторов, и попытался вернуться к первоначальной формулировке Франца Роха. По мнению Л.Леаля, магический реализм нельзя отождествлять с фэнтези, сюрреализмом или психологической литературой. Магический реализм – это, прежде всего, отношение к реальности: писатель сталкивается с ней и пытается раскрыть тайну, существующую в жизни, в человеческой деятельности. Этот подход отчётливо виден в прозе таких писателей, как Артуро Услар Пьетри, Алехо Карпентьер, Мигель Анхель Астуриас и Хуан Рульфо. По мнению Л.Леаля, магический реализм не берёт начало в творчестве Кафки, как утверждает Флорес, и Борхес не может считаться представителем этого течения. Также магический реализм нельзя отождествлять с фэнтези, поскольку его главная цель – не создание не-реальных существ или миров, а, напротив, раскрытие отношений человека с самим собой. По мнению критика, «основные события, происходящие в магическом реализме, не требуют логического или психологического объяснения. Писатель, прибегающий к стилю магического реализма, не стремится создать копию окружающей реальности (как реалисты) или изменить её (как сюрреалисты), а скорее раскрыть тайну, скрытую в предметах» [6, с. 231].

Из существующих теоретических соображений ясно, что существует два различных подхода к понятию магического реализма: первый подход был выдвинут Ф.Рохом и поддержан Л. Леалем и Андерсоном Имбертом. Их подход относится к литературным произведениям, которые представляют реальность с необычной точки зрения, но не выходят за границы природы, то есть не принимают сверхъестественное как достоверную интерпретацию, и это характеризуется более игровым, метанарративным и экспериментальным стилем.

Второе определение, более распространённое сегодня и во многом основанное на концепции «чудесной реальности» Карпентьера, описывает литературные произведения, в которых два противоположных мировоззрения – магическое и рациональное – представлены в одном тексте, не создавая противоречий и столкновений. В таких произведениях сверхъестественные события представлены как совершенно обычные, повседневные. Поскольку эта концепция основана на суевериях и первичных системах верований, она берёт своё начало в мифах, легендах и фольклоре.

Эти два объяснения магического реализма, по сути, соответствуют двум разным традициям: одна основана на изобразительном искусстве и имеет преимущественно европейское происхождение, а другая – ориентирована на литературу и принадлежит латиноамериканской литературной среде. Однако каждое из этих направлений, по-видимому, недостаточно для объяснения всех многогранных проявлений магического реализма по отдельности.

Типология, предложенная Уильямом Шпиндлером, добавляет к этой проблеме новый теоретический нюанс. Он рассматривает два упомянутых выше понятия как две стороны одного и того же понятия. Шпиндлер различает «метафизический магический реализм» и «антропологический магический реализм», исходя из различного смыслового содержания понятия магии. При этом он подчёркивает наличие многочисленных точек пересечения между этими двумя типами и отмечает, что произведения одного и того же автора могут относиться к разным категориям [10, с. 79].

Метафизический магический реализм соответствует идеям Ф.Роха, где понятие «магия» понимается как «создание иллюзии», то есть необычное, удивительное расположение природных объектов посредством определённого приёма, механизма или иллюзии. В антропологическом магическом реализме магия понимается как процесс воздействия на ход событий путём приведения в действие скрытых законов природы. В

произведениях такого типа рассказчик, как правило, обладает «двумя голосами»: иногда события описываются с рациональной точки зрения (реалистический элемент), а иногда – с магической точки зрения.

Лори Чемберлен опровергает идею о том, что истоки магического реализма берут начало в Латинской Америке и были занесены в США посредством перевода. По её мнению, в США уже существовала устоявшаяся традиция магического реализма, начало которой восходит к произведениям Натаниэля Готорна и готическим рассказам Эдгара Аллана По, то есть к определённым течениям американского романтизма.

В США идея Ричарда Чейза о том, что «история американского романа – это не только история становления реализма, но и история открытия новых возможностей в романах, написанных в период романтизма», обосновывает существование в Америке традиции магического реализма, представленной литературой этого периода [2, с. 146]. В XVIII веке готический роман оказал значительное влияние на формирование американского романтизма, привнеся в него такие мотивы, как сверхъестественные явления, образы подсознательного воображения, духи и дикие пейзажи, и утверждая превосходство интуиции над разумом. И Натаниэль Готорн, и Эдгар Аллан По находились под влиянием английской готической литературы, а также немецких романтиков XIX века, особенно Э.Т.А. Гофмана [7, с. 200].

Европейское романтическое движение сыграло решающую роль в становлении американского романтического романа. Это движение решительно противостояло рациональным ограничениям неоклассицизма, пропагандируя эстетический интерес к дикому, странному и гротеску, а также возрождение примитивного идеализма. В творчестве Натаниэля Готорна отчётливо прослеживаются романтическая тоска по прошлым идеалам, ностальгия по утраченной невинности Нового Света и желание, чтобы этот мир всё ещё оставался идеальным. Эти мотивы постоянно отражаются и в современном магическом реализме. Противоречия, присущие эстетике романтизма, повторяются и в поэтике магического реализма: образное видение, порождённое идеалистической метафизикой, и единство природного и духовного миров вступают в конфликт с эмпирическими и рационалистическими моделями познания. Этот конфликт приводит к сознательному стиранию границ между реальностью и воображением как в романтическом, так и в магическом реалистическом дискурсах. Натаниэль Готорн находился под глубоким влиянием трансценденталистских взглядов на взаимодействие природы и божественного, а также пуританского аллегорического мировоззрения, в котором видимый мир рассматривался как воплощение невидимой воли и замысла Бога. Его роман «Алая буква» преобразует социальные и духовные реалии пуританской Новой Англии в метафизический ландшафт. Знаменитый «Пролог» Готорна описывает мистические и таинственные слои, скрытые за повседневными и обыденными событиями, тем самым пытаясь показать проявление трансцендентного в материальной реальности.

Многие современные американские романы в стиле магического реализма отвергают европоцентристскую концепцию американской земли как «нетронутой». Эти произведения деконструируют концепцию «Нового Света»: «Новый Свет» на самом деле не новый, а скорее старый, носитель древних и многослойных культур. Следовательно, в таких романах представлены системы верований, отражающие мировоззрение и ритуальные практики коренных американцев.

Современная американская культура возникла как продукт плюралистической модели, которая ограничивает культуры коренных народов и подчёркивает, что американская историческая память по сути своей «европейская», а не «американская». Тем не менее, многие современные романы стремятся деконструировать эту культурно-историческую связь, подвергнуть сомнению европоцентричное историческое сознание и

возродить альтернативные, коренные формы памяти. Современный североамериканский магический реализм, находящийся под влиянием традиционной литературы коренных народов и литературного наследия африканских и азиатских иммигрантских общин, создаёт динамичный синтез американского романа эпохи романтизма и латиноамериканского магического реализма. Сформировавшаяся эстетическая модель включает в себя как мифические структуры, так и дискурс постколониальной идентичности.

Традиции контрреализма, зародившиеся в США и Латинской Америке, развивались в несколько разных направлениях. Современный латиноамериканский магический реализм не основан ни на романтическом расцвете американской литературы XIX века, ни на её трансценденталистских философских основах.

Латиноамериканские писатели ищут свои литературные и мифологические истоки в более древних источниках: с одной стороны, классика испанской литературы – «Дон Кихот» М.Сервантеса, а с другой – мифологии коренных народов Америки, предшествовавшие испанской колонизации. Таким образом, латиноамериканский магический реализм предстаёт как синтез местных традиций, испанского влияния, начиная с XV века, и сюрреалистической эстетики, развивавшейся в Европе в начале XX века. При этом как североамериканские, так и латиноамериканские магические реалисты переживают схожие переживания, находясь между прошлым и будущим, реальностью и фантазией, разными, порой противоречивыми, концепциями субъективности.

Основная эстетическая и философская ориентация магического реализма порой характеризуется тенденцией к универсальности, а не к уникальности. Таким образом, магический реализм можно оценить как литературный проект, который, вбирая в себя специфические культурные, расовые и гендерные различия, одновременно свободен от стереотипов и стремится к универсальности.

В постколониальном дискурсе магический реализм отмечает внутренние противоречия и проблемы, возникающие в результате стремления колониализма навязать местной реальности чуждое европейское мировоззрение. В текстах магического реализма повествовательный язык отражает столкновение двух противоборствующих систем, что приводит к созданию двух различных вымышленных миров в несовместимой, непрерывной диалектике. По мнению критика Стивена Слемона, такое использование языка имеет важные последствия для сравнительного постколониального литературоведения, поскольку колониализм создает бинарную оппозицию внутри языка посредством дуалистического видения, заложенного в колониальной культуре [11, с. 15]. Таким образом, текст магического реализма также может быть прочитан как средство отражения реальных условий речи и познания в социальных отношениях постколониальной культуры.

Диалектика вымышленных миров и языка перекликается с концепцией Михаила Бахтина о романе как о диалоговом дискурсе. В литературе магического реализма два отдельных повествования никогда не находятся в иерархических отношениях, но оба метода, магический и реальный, сохраняются параллельно, не отдавая приоритет друг другу. Этот контекст подчёркивает связь между концепциями карнавала и гротескного реализма Бахтина и магическим реализмом.

Современные представители магического реализма в США выражают изменённый постколониальный опыт посредством гибридных повествований, изображающих различные миры. Эти писатели выступают как внутренними, так и внешними партнёрами американской культуры и используют магический реализм как средство сопротивления доминирующим культурным структурам. Лори Чемберлен связывает возрождение магического реализма в последние тридцать лет с более широким контекстом постмодернизма, объясняя его приходом женщин и темнокожих писателей в литературную среду [3, с. 15].

Политический и провокационный потенциал магического реализма сделал его всё более важным и влиятельным стилем для писательниц, особенно представительниц этнических меньшинств. Они размышляют о проблемах культурного отчуждения, женского вопроса, расы, гендера, идентичности и общества через магический реализм. По словам Лоис Паркинсон Заморы, растущее понимание культурного разнообразия в Соединённых Штатах побуждает писательниц выдвигать на первый план многочисленные и параллельные культурные формы [13, с. 2]. Множественные культурные перспективы неотделимы от феминистских подходов, поскольку современные американские писательницы исследуют гендерную культуру, классовые структуры и исторические проблемы во взаимосвязи и взаимном резонансе.

В Соединённых Штатах существует традиция женского писательства: их произведения, хотя и включают магию и сверхъестественное, основаны на определённой социальной реальности. Женщинам-писательницам необходимы различные средства выражения своей идентичности. Таким образом, магический реализм – это подходящий литературный метод для передачи противоречий и сложностей их жизни, которые реализм не может адекватно отразить. Эти авторы сочетают условности западных литературных традиций с повествовательными стратегиями, характерными для этнических традиций, и используют материал, основанный на женском мировоззрении, которое считается «неуместным» по строгим стандартам реализма. Введение магии в повествование носит подрывной характер и бросает вызов некоторым консервативным тенденциям реализма.

Писатели, использующие приемы магического реализма, способны бросить вызов существующим представлениям о реальности, переосмысливать понимание истории и открывать возможности трансформации социальных реалий, которые невозможно изменить. Такие писатели, как Тони Моррисон, Глория Нейлор, Луиза Эрдрич, Лесли Мармон Силко и Ана Кастильо, используют африканскую, индейскую или латиноамериканскую идентичность для представления жизни этих групп в Соединённых Штатах.

Заключение: В заключение следует отметить, что магический реализм — это не только литературный стиль, но и многослойная эстетическая и философская концепция, выступающая мостом между различными культурами, мировоззрениями и формами познания. История его развития простирается от европейского модернизма до постколониальных, феминистских и этнических дискурсов Латинской и Северной Америки. Универсальность этого стиля расширяет границы реальности, позволяя выражать различные культурные идентичности, коллективную память и альтернативные реальности.

Научная новизна темы: В статье рассматривается трансформация магического реализма в европейской, латиноамериканской и североамериканской литературах в сравнительном аспекте, выявляется взаимосвязь его метафизических и антропологических типов. Предлагается новый научный взгляд на оценку магического реализма как формы культурной идентичности и посредничества глобальных литературных процессов.

Практическая цель: Результаты исследования могут быть использованы в качестве научного материала при преподавании теоретических основ и культурных контекстов магического реализма, а также в курсах литературоведения, культурологии и сравнительного литературоведения.

Литература

1. Carpentier A. El reino de este mundo / A.Carpentier. – Madrid: Alfaguara, – 1984. – 176 s.
2. Chase R. The American Novel and its Tradition / R.Chase. – New York: Doubleday Anchor Books, – 1957. – 288 p.
3. Chamberlain L. Magicking the Real: Paradoxes of Postmodern Writing in Postmodern Fiction // – Westport: Greenwood Press, – 1986. – pp. 5-21.

4. Flores A. Magical Realism in Spanish American Fiction. Hispania // – Baltimore: Johns Hopkins University Press, – 1955. pp.187-192.
5. Jahner E. A Critical Approach to American Indian Literature // – New York: The Modern Language Association of America, – 1983. – s. 211-224.
6. Leal L. El realismo mágico en la literatura hispanoamericana // – Cuadernos: Americanos.– 1967. – s. 230-235.
7. Punter D. The Literature of Terror. A History of Gothic Fictions from 1765 to the Present Day. // – London and New York: Longman, – 1980. – pp. 197-213.
8. Roh F. Realismo mágico. Problemas de la pintura europea más reciente // – Madrid: Revista de Occidente. – 1927. – s. 274-301.
9. Ruppert J. Mediation in Contemporary Native American Fiction / J.Ruppert. – Norman: University of Oklahoma Press, – 1995. – 192 p.
10. Spindler W. Magic Realism: A Typology // – Oxford: Forum For Modern Language Studies. – 1993. – pp.75-85.
11. Slemon S. Magic Realism As Post-Colonial Discourse // – Vancouver: Canadian Literature, № 116. – 2021. – pp. 9-24.
12. Sollors W. The Invention of Ethnicity / W.Sollors. –Oxford: Oxford University Press, –1991. –320 p.
13. Zamora L.P. Introduction: Moveable Boundaries – Public Definitions and Private Lives in Contemporary American Women Writers. – New York: Longman. – 1998. – pp. 1-10.

N.K.Fərhadova

Magik realizmin nəzəri əsasları və ABŞ mədəni kontekstində inkişafı

Xülasə

Məqalədə magik realizm anlayışının genezisi, formalaşma mərhələləri və müxtəlif mədəni mühitlərdə semantik transformasiyası elmi-nəzəri kontekstdə təhlil olunur. Frans Rohun postekspresionist estetikasından qaynaqlanan ilkin konsepsiyası ilə yanaşı, M.Bontempelli, A.Karpentier, A.Flores və L.Lealın nəzəri baxışları müqayisəli şəkildə araşdırılır. Tədqiqatda magik realizmin Avropa modernizmi çərçivəsindən çıxaraq Latin Amerika və Şimali Amerika ədəbiyyatlarında postkolonial, feminist və etnik diskurslarla sintez olunması müəyyənəşdirilir. U.Şpindlerin metafizik və antropoloji tipologiyası, eləcə də L.Çemberleyn və L.Zamoranın müasir Amerika ədəbiyyatına dair konseptual yanaşmaları əsasında magik realizmin çoxqatlı estetik-fəlsəfi strukturu açıqlanır.

Açar sözlər: *magik realizm, mədəni identiklik, mif və folklor, reallıq, fantastika*

N.K.Farhadova

Theoretical Foundations of Magical Realism and its Development in the Cultural Context of the USA

Summary

The article analyzes the genesis, stages of development and semantic transformation of the concept of magic realism across various cultural contexts within a scientific and theoretical context. Alongside F.Roh's original concept, rooted in post-expressionist aesthetics, a comparative analysis examines the theoretical perspectives of M.Bontempelli, A.Carpentier, A.Flores, and L.Leal. The study identifies a synthesis of magic realism with postcolonial, feminist, and ethnic discourses in Latin American and North American literatures, extending beyond European modernism. Drawing on W.Spindler's metaphysical and anthropological typology, as well as L.Chamberlain and L.Zamora's conceptual approaches to contemporary American literature, the multilayered aesthetic and philosophical structure of magic realism is revealed.

Keywords: *magic realism, cultural identity, myth and folklore, reality, fiction*

Рецензент: д.фил.н., доц. Г.Гусейнли

Redaksiyaya daxil olub: 03.11.2025